

Глава 39. Мать (часть 4)

— Грузовой лифт у южных ворот раньше использовался для доставки еды в столовую. Он безопасен, — сказала Ли Маньюнь.

Цэнь Цзинь вёл Ли Маньюнь за руку, в другой держа топор. Ли Маньюнь, с холодным выражением лица, шла под своим красным зонтом. Они вместе стояли в просторном пустом лифте, освещённом багровым светом ламп.

Со стороны они походили на отца-демона и его дочь из фильма ужасов, готовящихся к своему выходу.

— На первом этаже Еюшэнь, на втором — призрачные тени, на третьем — пожинающие плоды своих дел врачи, на четвёртом — мастер призрачного гу, на пятом — ты, на шестом...

— Бог ночного дозора?

— Это я. Домовладелец живёт на первом, чтобы удобнее было управлять. Кстати, мастер призрачного гу после смерти ничего не оставил? Он не был заражён?

— Ли Чжэньчжун сжёг его дотла. Но он разводил на четвёртом этаже всяких тварей, за несколько лет они размножились и захватили весь этаж.

Цэнь Цзинь вспомнил, как в шкафу на третьем этаже его предала стая тараканов с человеческими лицами, и, описав их, спросил, не те ли это твари, что оставил мастер призрачного гу.

— А, это мэйжэнь гу, — сказала Ли Маньюнь.

Цэнь Цзинь посмотрел на неё.

— Лица на спинах этих гу — это твоё лицо, когда ты была статуей Гуаньинь.

— То лицо тоже было скопировано с кого-то другого.

— Хм... — задумался Цэнь Цзинь. — Возможно, оно было скопировано с лица того божества, что осквернило тебя.

Он продолжил расспросы:

— На седьмом — бескожие мускулистые существа в белых халатах. А что на шестом?

— Неудачные экспериментальные образцы. Белые халаты с седьмого этажа бродят по шестому, пятому и третьему. Они ненавидят любых существ в противогазах, но меня не трогают.

— Потому что ты хозяйка изнаночного мира?

— Нет. Потому что они — матери.

Цэнь Цзинь замолчал и неуверенно произнёс:

— Чан Ли?

— Ты её знаешь? Она была старшей медсестрой, все белые халаты её слушались. Они охотятся в этом здании на врачей и наёмников. К призрачным теням второго этажа они относятся без симпатии, но вреда им не причиняют.

Помолчав, она добавила:

— Они все — матери.

Цэнь Цзинь отвёл взгляд и посмотрел на сменяющиеся красные цифры на дисплее лифта. Его сердце наполнилось потрясением. Без сомнения, мать-Гуаньинь на десятом этаже и белые халаты из изнаночного мира были заражёнными аномалиями, жестокими, ужасными и бесчеловечными.

Но в них сохранилась милосердная материнская любовь. Более того, именно из-за сильной материнской любви они добровольно позволили себя заразить и превратиться в аномалий.

Имя Чан Ли часто встречалось в черновиках Дэвиса. Её имя было и на семейной фотографии Чжао Гуанхао. А первую ценную информацию в изнаночном мире он получил именно с фотографии, сделанной Чан Ли.

На фото тройняшки были непослушными, но их милые и послушные моменты растапливали сердце Чан Ли.

Чан Ли глубоко любила своих детей. Она предчувствовала, что смерть членов клана Ли была неслучайной, и раскрыла истинную ложь старого здания, а также раздутые, как сладкая вата, но ядовитые амбиции Ли Чжэньчжуна.

Она пыталась спасти детей из старого здания, даже объединилась с доктором Дэвисом, но потерпела неудачу. Тройняшки погибли после неудачной операции, а их тела забрали в морг, чтобы выжать последнюю ценность.

Чан Ли была бессильна. Убитая горем, она добровольно позволила себя заразить и подвергнуться операции, став белым халатом. Она бродила по старому зданию, выслеживая наёмников и врачей, и мстила им их же методами.

Истории других белых халатов, вероятно, были похожи на историю Чан Ли.

Но все эти белые халаты были в изнаночном мире. А есть ли они в реальном?

Цэнь Цзинь задал этот вопрос.

— Есть. Но они — врачи, — ответила Ли Маньюнь. — Часть врачей, сбежавших из изнаночного мира. Некоторых врачей тоже превратили в экспериментальные образцы и заперли на третьем этаже вместе с удачными экспериментами. Некоторые успешно эволюционировали, и их поместили на пятый этаж охранять заключённых членов клана Ли, промывая им мозги и предотвращая новые бунты, подобные бунту Чан Ли.

Цэнь Цзинь всё понял. Реальный мир и изнаночный мир пересекались, но у каждого были свои границы. Они были как две зоны оцепления, которые с опаской относились друг к другу и пытались поглотить друг друга.

Когда грузовой лифт проезжал четвёртый этаж, шорох был подобен ночному прибою, волна за волной накатывавшему на берег. Можно было представить, какой мир насекомых царил в коридоре. Когда лифт проезжал шестой, что-то стучало по железной конструкции, и глухие удары, усиленные длинным коридором, напоминали стоны гигантского зверя.

Проезжая седьмой, он отчётливо слышал скрип колёс операционного стола и представлял себе, как группа бескожих мускулистых женщин в белых халатах бежит, толкая перед собой каталки.

До того, как он узнал, кто они, белые халаты олицетворяли ужас и тайну.

Теперь, когда он знал, кто они, страх на семьдесят процентов рассеялся.

Но Цэнь Цзинь не стал бы с ними здороваться. Ведь на нём всё ещё был противогаз и белый халат — всё то, что так ненавидели матери.

Лифт остановился на девятом этаже.

— Думаешь, Ли Чжэньчжун спрячется на девятом? — спросила Ли Маньюнь.

Ли Чжэньчжун был хитёр, он постоянно менял своё укрытие. Даже Ли Маньюнь знала лишь, что он находится либо на восьмом, либо на девятом этаже, но где именно — не знала.

— Не знаю, — сказал Цэнь Цзинь, нажимая кнопку десятого этажа. — Я знаю только, что Ли Чжэньчжун не позволит тебе встретиться с «маткой». Он всё время хотел поглотить тебя.

Через несколько секунд лифт остановился на десятом этаже. Цэнь Цзинь, взяв Ли Маньюнь за руку, вышел.

Структура десятого этажа полностью отличалась от других. Из лифта они вышли в длинный коридор, залитый багровым лунным светом. В воздухе висели белые частицы штукатурки. В конце коридора виднелась закрытая специальная металлическая дверь.

Цэнь Цзинь и Ли Маньюнь подошли к ней. Ли Маньюнь, нахмурившись, сказала, что у неё нет ключа, и что эту дверь не открыть ни грубой силой, ни взрывом.

— А кодовый замок или что-то в этом роде? — спросил Цэнь Цзинь.

Перед ним была дверь, похожая на дверь банковского хранилища из фильмов. Толщина её была не меньше десяти сантиметров, не говоря уже о весе.

Ли Маньюнь указала на ряд отверстий сбоку.

— Посередине — замочная скважина. Одна ошибка — и по всему зданию сработает сигнализация, и все монстры сбегутся сюда.

Цэнь Цзинь шагнул вперёд.

— Даже если взорвать дверь, сработает сигнализация и привлечёт всех монстров, включая Ли Чжэньчжуна, — напомнила она.

— У меня есть ключ, — сказал Цэнь Цзинь, доставая ключ, который ему дала взрослая Ли Маньюнь.

Ли Маньюнь замерла.

— Откуда у тебя ключ?

— Ты дала.

Ли Маньюнь нахмурилась.

— У меня нет ключа. Он был только у настоящей Ли Маньюнь.

«А?»

Выражение лица Ли Маньюнь стало странным.

— Та Ли Маньюнь, о которой ты говоришь, — не я. Это настоящая Ли Маньюнь. Она... всё ещё здесь?

Цэнь Цзинь вставил ключ в замочную скважину и повернул его дважды. Раздался щелчок, и дверь открылась.

— Похоже, это она. Эксперимент Ли Чжэньчжуна не был полным провалом. По крайней мере, взрослая Ли Маньюнь в ином виде бродит по старому зданию, растёт как обычный человек. Это немного похоже на то, что люди называют призраком.

— Кстати говоря, — с вздохом сказал Цэнь Цзинь, — она тоже всё время беспокоилась о матери на десятом этаже.

Неудивительно, что Ли Маньюнь из изнаночного мира было запрещено навещать мать, а взрослая Ли Маньюнь из реального мира могла делать это каждый день. И когда она выходила встречать его и Хо Сяотин, она, казалось, легко проходила через здание, полное монстров, незамеченная наёмниками, что само по себе было странно.

Если она была духом, всё становилось на свои места.

Открыв дверь, Цэнь Цзинь и Ли Маньюнь вошли в комнату, где шестнадцать лет была заключена мать-Гуаньинь. Комната была абсолютно пустой, площадью в триста квадратных метров. Занавески на десятках панорамных окон были раздвинуты. Огромная кровавая луна висела за окном, создавая гнетущее ощущение, будто она вот-вот упадёт. Кровавый лунный свет заливал всю комнату, освещая каждый кафельный пол.

В воздухе висело в два-три раза больше белых частиц штукатурки, чем внизу. Цэнь Цзинь смахнул с лица прилипшие частицы, его рука покрылась слоем пыли.

Пройдя четыре-пять метров вперёд, он коснулся красной прозрачной плёнки. Она была влажной и липкой, как слизь животного. Даже пол был покрыт толстым слоем этой плёнки, и ноги издавали чавкающий звук при ходьбе.

Цэнь Цзинь разрубил плёнку топором и шагнул внутрь. Ли Маньюнь последовала за ним.

Пройдя около десяти метров и разрубив последний слой плёнки, Цэнь Цзинь был потрясён увиденным. Его зрачки сузились от шока.

— Мама, — тихо прошептала Ли Маньюнь.

Перед ними возвышалась огромная, заполнившая собой двухсотметровую комнату, красная гора плоти. Её тело состояло из дряблого мяса без кожи, на поверхности которого виднелись толстые кровеносные сосуды. Сотни рук безвольно свисали вниз. Под руками, в области живота, висело семь-восемь коконов, обтянутых красной прозрачной плёнкой. Внутри смутно угадывались человеческие фигуры.

Очевидно, так и появлялись экспериментальные образцы.

Эта красная гора плоти напоминала гигантского паука, её руки были как паучьи лапы. А в том месте, где должна была быть голова, была вшита красивая, обнажённая женщина.

Женщина спала.

Белая, как нефрит, женщина и красная, бескожая гора плоти, миниатюрность и гигантизм — этот контраст создавал сильное, тревожное и причудливо красивое зрелище.

— Красная луна позволяет маме ненадолго сохранять спокойствие, — сказала Ли Маньюнь. — Но ей нужно долго спать. Если она впадёт в ярость, она потеряет всякий разум.

Она нерешительно остановилась. Цэнь Цзинь спросил, почему она не подходит. Она ответила, что боится, что мать её забыла, и к тому же, есть взрослая Ли Маньюнь, матери не нужен заместитель.

— Не попробуешь — не узнаешь, — спокойно сказал Цэнь Цзинь. — Мать не позволит кому попало заменить её дочь. Так что ты — это ты, а взрослая Ли Маньюнь — это взрослая Ли Маньюнь.

Маленькая Ли Маньюнь крепко сжала свой красный зонт и решительно кивнула.

— Угу.

Она с серьёзным выражением лица зашагала к спящей женщине.

Остановившись перед ней, Ли Маньюнь раскрыла зонт над её головой, заслоня падающий красный лунный свет. Набравшись храбрости, она тихо позвала:

— Мама.

Женщина зашевелилась, открыла глаза. В её мутном взгляде постепенно проступила

маленькая фигурка. Знакомое лицо.

Она внимательно посмотрела на Ли Маньюнь, и на её бледном лице медленно появилась улыбка.

— Это ты.

— Я пришла к тебе, — сказала Ли Маньюнь, приподнимаясь на цыпочках. — Я очень скучала.

Женщина протянула руку и погладила Ли Маньюнь по волосам.

— Давно не виделись. Я тоже очень скучала. Тебе нравится красный зонт?

— Угу!

Женщина нежно улыбнулась и посмотрела на Цэнь Цзиня.

— Я знаю тебя. Еюшэнь.

— Я ещё не представился.

— Моё ментальное загрязнение распространено по всему старому зданию. Как только ты вошёл в изнаночный мир, я узнала. Неважно, какова твоя цель, я благодарна тебе за то, что ты привёл её ко мне. Я не могу долго оставаться в сознании, и Ли Чжэньчжун скоро придёт проверить. Так что уходите скорее. Если можно, я бы хотела попросить вас забрать её с собой.

Она подтолкнула Ли Маньюнь вперёд.

— Однажды она станет настоящим человеком. Я хочу, чтобы она выросла в мире людей, а не в одиночестве в этом доме-монстре, как аномалия.

Ли Маньюнь обернулась и с сожалением покачала головой.

— Я обещаю, — сказал Цэнь Цзинь. — Но сначала я пообещал ей убить Ли Чжэньчжуна. Так что, когда я выполню своё обещание, тогда и поговорим.

Сказав это, он развернулся и подошёл к двери. На глазах у изумлённых матери-Гуаньинь и Ли Маньюнь он поднял топор и с яростью ударил по металлической двери. В тот же миг по всему зданию взвыла оглушительная сирена воздушной тревоги.

Призрачные тени на втором этаже, монстры на третьем, мэйжэнь гу на четвёртом, экспериментальные образцы в клетках на шестом и бродящие белые халаты на седьмом — все замерли и разом подняли головы, словно сквозь толстые бетонные перекрытия видя мать-Гуаньинь на десятом этаже.

На девятом этаже из тёмной глубины выполз монстр, покрытый твёрдой чешуёй и с чёрными острыми когтями.

— Гуаньинь.

Все, кто был в лагере Ли Чжэньчжуна и кто ненавидел его и выбрал сторону матери-Гуаньинь, не сговариваясь, устремились на десятый этаж.

На десятом этаже, стоя у двери, Цэнь Цзинь снял противогаз. Он смотрел в конец коридора, на лифт. Его чуткий слух уловил звук поднимающегося троса. Он стиснул зубы, его зрачки расширились от возбуждения и напряжения.

Они идут

<http://bllate.org/book/13658/1589391>